

"Русское слово", 1864, № 6. Отд. II.

<http://az.lib.ru>

[OCR Бычков М. Н.](#)

Въ прошломъ году, собирая перлы русской журналистики, я замѣтилъ, что ошибочно судили нѣкоторые, находя въ ея средѣ какія-то несогласія и враждебныя отношенія; я выразилъ въ то время мнѣніе и постарался доказать его, что если съ виду иногда и покажется, будто не совсѣмъ ладно, то это только съ виду. На самомъ же дѣлѣ царствуетъ такой миръ и согласіе, что любо; между журналами установились самыя дружескія отношенія, литераторы стали обращаться другъ къ другу съ привѣтствіями въ родѣ тѣхъ, какими встрѣчали другъ друга обитатели того города, гдѣ процвѣталъ Павелъ Ивановичъ Чичиковъ.

-- Послушай, Мамочка, Апполонъ Александровичъ! или: "заврался, другъ, Иванъ Сергѣевичъ! или же: тебѣ извѣстно, душа моя, Михаилъ Никифоровичъ". Ежели по временамъ на языкѣ когонибудь изъ этой братіи появляется желчь, то это только относительно тѣхъ злосчастныхъ, оставленныхъ за флагомъ патріотической рысью большинства, къ которымъ теперь принадлежатъ немногія. Подобному дружественному согласію литературы нельзя не порадоваться. Я непремѣнно подивился бы на "Эпоху", хотя бы за тѣмъ, чтобы наслаждаться зрѣлищемъ братской любви, какую являютъ ея постоянныя сотрудники. "Другъ мой, Гораціо Косица!" вызываетъ Апполонъ Григорьевъ; -- Милка, Ѳедоръ Михайловичъ... и т. д. въ этомъ родѣ. Существуютъ и другіе приемы. Для выраженія нѣжности прикинется вдругъ ктонибудь, что въ томъ или другомъ вопросѣ разошелся съ своимъ добрѣйшимъ пріятелемъ N N; ну и даетъ дѣлу такой оборотъ: "между нами вышло, не скажу разногласіе, но недоумѣніе" и т. д. Вообще много есть тонкихъ и ловкихъ манеръ сказать другу или пріятное. Иногда даже будто укоряютъ другъ друга, но и въ упрекѣ слыша нѣжность и добродушіе, а иногда даже пользуются этимъ случаемъ, чтобы похвалить тонко. Такимъ, напримѣръ, образомъ "Современникъ" нѣжно упрекалъ "Инвалидъ" за безобразіе, произведенное послѣднимъ относительно "Заграничнаго Вѣстника". Такимъ же образомъ "Эпоха" укоряетъ Каткова въ статьѣ "Русскіе нѣмцы". Читаешь и радуешься, пріятно быть русскимъ писателемъ во время подобнаго единодушія литературы. У нѣкоторыхъ это единодушіе доходитъ до странностей. Такъ, въ "Эпохѣ" ни одинъ сотрудникъ не можетъ выдумать ни одной остроты (т. е. того, что въ этомъ журналѣ называется остротой), чтобы другіе не подхватили и не вклеили ее во всѣ прочія статьи всѣхъ прочихъ книжекъ. Напишетъ, положимъ, г. Достоевскій, вмѣсто обличить, *абличить* -- смотришь и Ап. Григорьевъ, и Аверкіевъ, и всѣ остальные пишутъ *абличить* и всякій разъ, видимо довольные собою, подчеркиваютъ или все слово или букву *а*, въ которой и заключается вся соль. Назовешь г. Григорьевъ г. Н. Потѣхина -- junior -- глядишь, г. Аверкіевъ повторяетъ то же самое съ такимъ веселымъ и радостнымъ видомъ, какъ будто самъ сочинилъ подобную прелесть. Въ сущности конечно это обстоятельство маловажное, но для читателя весьма пріятное, ибо такая, незначительная сама по себѣ, черта рисуетъ ему цѣлую картину домашняго счастья. Онъ видитъ этихъ добрыхъ людей, жнущихъ въ мирѣ и согласіи; онъ видитъ, съ какимъ неподдѣльнымъ восторгомъ слушаютъ они, читаютъ и перечитываютъ другъ друга, какъ радуется ихъ и буква *а*, у мѣста поставленная, и эпитетъ junior, и тому подобное. И спѣшитъ каждый изъ нихъ повторить всѣ эти игривости, чтобы читатели не разъ и не два насладились и *абличеніемъ* и junior'омъ, потому что скупиться нечего; отчего не потѣшить публику. Добродушный народъ!

Вслѣдствіе столь умилительнаго намѣренія жизнь течетъ у насъ, какъ по маслу; всѣ, видя спокойствіе, облеклись въ халаты и ведутъ себя, какъ дома. "При насъ", говорятъ они каждому изъ своей братіи, "можете совершать все, что вамъ угодно". Поэтому не стѣсняются. Образцы такого неглиже можно встрѣтить повсюду. Особенно замѣтно это въ Ап. Григорьевѣ, который ведетъ себя совершенно безцеремонно. Иногда онъ вдругъ разжаливается и объявляетъ публикѣ, что напишетъ цѣлую главу крайне скандальезную, и, разумѣется, всякій знаетъ, что онъ не такой человекъ, чтобы въ этомъ случаѣ не сдержатъ слова. Глава пишется, и въ ней дѣйствительно появляются вещи не совсѣмъ благопристойныя, какъ напр. "ярыжно-глубокая и глубоко-ярыжная мысль великаго учителя въ феноменологіи Духа". Въ слѣдующей главѣ вдругъ признанія, въ которыхъ вы узнаемъ, что съ авторомъ случается грѣхъ такого рода: вздумаетъ онъ написать статью о Пушкинѣ, напишетъ, корректуру прочтетъ, -- статью отпечатаетъ, глядь вышло не о Пушкинѣ, а объ Авдотѣ Глинкѣ. Признается также, г. Григорьевъ, что, участвуя въ